

УДК 94(3)

Гущин Валерий Рафаилович

канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник сектора исторических исследований научно-учебной лаборатории междисциплинарных эмпирических исследований Высшей школы экономики (г. Пермь)
E-mail: valerii2012@yandex.ru

Gouschin Valeriy Rafailovich

Candidate of History, Leading Researcher of the Laboratory of Interdisciplinary Empiric Investigations, Higher School of Economics (Perm)

РЕПЕТИЦИЯ «БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ»? АФИНЫ И СПАРТА В СЕРЕДИНЕ ПЯТОГО ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ* THE 'GREAT WAR' REHEARSAL? ATHENS AND SPARTA IN THE MIDDLE OF THE FIFTH CENTURY B. C.

Аннотация

Создание и усиление Афинского морского союза болезненно воспринимались Спартой и ее союзниками. Это привело к открытому военному противостоянию, известному как Первая Пелопоннесская война (460–446 гг. до н.э.). Особенностью этой войны была выжидательная позиция Спарты и редкость военных столкновений. Несмотря на определенный успех в финале этой войны, спартанцы предпочли не развить его, а заключить 30-летний мир с Афинами. Таким образом, для спартанцев данная война – вероятно, в отличие от афинян – вряд ли может быть названа репетицией последовавшей затем «большой» Пелопоннесской войны.

Ключевые слова: Афины; Спарта; V в. до н.э.; Пелопоннесский союз; Фукидид; Диодор.

Abstract

Athenian Maritime Union's establishing and strengthening provoked painful reaction of Sparta and its allies. This resulted in overt armed confrontation, known as First Peloponnesian War (460–446 B. C.). Remarkable features of this war were the wait-and-see position of Sparta and the rarity of military engagements. While there was the relative success at the end of the war, the Spartans preferred to avoid building on the result and to make 30-year peace with the Athenians. Thus, for the Spartans, we think (as distinct from the Athenians perhaps) the First Peloponnesian War was not the rehearsal of future Peloponnesian War.

Keywords: Athens; Sparta; V Century B. C.; Peloponnesian League; Thucydides; Diodorus.

Как известно, полномасштабным военным действиям, развернувшимся между афинянами и спартанцами, т. е. Пелопоннесской войне, предшествовал длительный период охлаждения во взаимоотношениях между двумя государствами. Противоречия между ними обнаружили и стали накапливаться уже в период Греко-персидских войн (см.: [4. С. 117–118]). Усиление Афин и достижение ими гегемонии на море болезненно воспринимались лакедемонянами. Если верить некоторым древним авторам, то спартанцы готовы были начать войну против афинян в ответ на создание теми Делосской симмахии. На одном из совещаний спартанской герусии, сообщает Диодор, ставился вопрос о начале боевых действий¹. Готовились к этому и афиняне, резонно опасавшиеся войны с лакедемонянами².

* Работа выполнена в рамках проекта «Кризисы и деформации античной гражданской общины» Научно-учебной лаборатории междисциплинарных эмпирических исследований Высшей школы экономики (Пермь).

¹ «В это время лакедемоняне, столь неразумно лишившиеся гегемонии, переживали тяжелый момент. Поэтому к отпавшим от них эллинам они относились враждебно и грозились подвергнуть их соответствующему наказанию. Герусия, собравшись, обсуждала вопрос о войне против афинян за возвращение гегемонии на море. Точно так же этот вопрос стоял и на созванном общем народном собрании» [Diod. XI.50.1–3]. Несмотря на готовность лакедемонян к активным действиям, решение о начале войны так и не было принято. Виной тому, судя по рассказу Диодора, стал геронт Этоймарид, пользовавшийся большим авторитетом, который сумел переубедить герусию и народ. Диодор датирует эти события 475 г. до н. э. (см. комментарии: [12. С. 111, примеч. 190]).

Но через некоторое время ситуация кардинально изменилась. Активной, если не сказать агрессивной стороной в рассматриваемых событиях стали афиняне и их союзники. Позиция лакедемонян оказалась совсем иной. Их «терпеливое» отношение к действиям афинян, направленным против союзников Спарты по Пелопоннесскому союзу, у современных исследователей вызывало и продолжает вызывать немало недоуменных вопросов. Так, Э. Холледей полагает, что лакедемоняне не стремились обострять отношения с афинянами и, возможно, не были готовы к полномасштабным военным действиям [13. С. 60]³. Дж. де Сен-Круа и Дж. Сальмон считают, что пассивность лакедемонян объясняется исключительно военными причинами, и в частности возникновением Афинского морского союза [27. С. 180–200; возражения см.: 14]. По мнению Д. Кагана, их сдержанность – результат влияния спартанского царя Архидама, который был личным другом Перикла [19. С. 77]. Лояльность Архидама сомнений, пожалуй, не вызывает, он и в дальнейшем проявлял себя как противник развязывания войны с Афинами [2]. Нельзя исключать и того, что спартанцы в это время вели войну с мессенцами и были заняты осадой Ифомы. Все это так, но лакедемоняне по непонятным для исследователей причинам отказывались от активных действий даже в тех обстоятельствах, когда им мог сопутствовать успех [14. С. 161–162].

Итак, активной стороной в этом конфликте выступают именно афиняне. В чем же тут дело? Причина тому – изменения внешнеполитического курса, что напрямую связано с внутренними переменами в Афинах. Для лидеров демократического крыла афинской политики, в частности для Фемистокла и Эфиальта, была свойственна ярко выраженная антиспартанская ориентация. Последний продемонстрировал ее во время дебатов в афинском народном собрании относительно посылки помощи лакедемонянам, ведшим борьбу с восставшими илотами [3. С. 18]. Хотя усилиями Кимона помощь лакедемонянам все же была оказана, в следующем (461-м) году афиняне разрывают союз с ними, чему предшествовало изгнание из Афин Кимона⁴. В какой-то мере, следовательно, изменение курса и внешнеполитическая активизация может считаться результатом удаления из Афин Кимона – политика проаристократической и проспартанской ориентации.

Впрочем, с меньшей долей вероятности можно предположить, что новая политика стала результатом прагматического расчета. Спарта увязла в затянувшейся Третьей Мессенской войне и не могла активно противостоять действиям афинян. Поэтому можно сказать, что новый внешнеполитический курс был следствием проведения Афинами политики, направленной против Спарты как главы Пелопоннесского союза (например: [27. С. 183 слл.]). Впрочем, на сей счет высказывались и иные суждения. Главный удар афиняне направляли, возможно, не против Спарты, которая была для них слишком серьезным соперником. По мнению Д. Льюиса, их основным противником на ближайшее будущее станут коринфяне [21. С. 12 слл.]⁵. Впрочем, сводить эту войну к конфликту Афин с Коринфом и Эгиной было бы неверно [4. С. 117].

Итак, после изгнания Кимона, высланного перед этим лакедемонянами, афиняне разрывают прежний союз со Спартой и заключают союзный договор с ее давним врагом – Аргосом ([Thuc. I.102.4; Paus. I.29.9, IV.24.7]; см. также: [4.

² «Афиняне, предполагая сперва, что будет большая война с лакедемонянами за господство на море, стали строить больше триер, собирали деньги и дружески обращались с союзниками. Когда стало известно о решении лакедемонян, они освободились от страха войны и все силы направили на укрепление своего города» [Diod. XI.50.8].

³ По этой причине, полагает он, спартанцы позднее отвергнут даже предложение Мегабиза, сулившего им деньги за вторжение в Аттику.

⁴ Изгнание Кимона, по мнению Дж. де Сен-Круа, выдавало решительный настрой афинян на конфликт с пелопоннессцами ([27. С. 183–184], см. также: [3. С. 15 и сл.]).

⁵ О том же говорит и Р. Сили [26. С. 268–269].

С. 120])⁶. Возможно, тогда же афиняне в союзе с аргивянами наносят при Эное поражение лакедемонянам, вознамерившимся атаковать Аргос ([Paus. I. 15.2]; см. также: [22. С. 96; 12. С. 153, примеч. 309])⁷.

Судя по сообщению Павсания, в Афинах в так называемом Пестром портике была выставлена картина, изображавшая бой афинян с лакедемонянами у Энои ([Paus. I.15.1]; см. также: [17. С. 41–57; 11; 25. С. 21 слл.]). Рядом с ней – что символично – находились картины, изображавшие события Троянской войны, битву с амазонками и Марафонскую битву [Paus. I.15.1–3]. По-видимому, битва при Эное была поставлена в один ряд с вышеперечисленными. Аргосцы также отметили эту победу, установив в Дельфах скульптурные группы «Семеро против Фив» и «Эпигонов», возможно имевшие какую-то символическую связь с битвой при Эное ([Paus. X.10.4]; см. также: [11. С. 238; 28. С. 222]). Однако в литературе до сих пор ведутся споры как относительно датировки этого сражения, так и о его реальности⁸.

Итак, в начале конфликта, возможно, имело место столкновение Афин и Спарты. Но в дальнейшем военные действия афинян будут преимущественно направлены против ее союзников⁹. Диодор, в частности, рассказывает о победе афинян над объединенными силами Коринфа и Эпидавра [Diod. XI.78.1]. А в 459 г. до н. э. афиняне в союзе с аргивянами организовали морскую экспедицию на Пелопоннес. Афиняне высадились в Галлиях – удобной морской гавани в южной части Арголиды [Thuc. I.105.1]. Возможно, первоначально они потерпели поражение, но позднее одержали морскую победу у Кекрифалеи, острова, расположенного вблизи Эгины ([Thuc. I.105.1; Diod. XI.78.2–3]; см. также: [4. С. 123; 12. С. 152–153, примеч. 309]).

Вскоре после этого вспыхнул конфликт с Эгиной. Не исключено, что причиной этого стал ее выход из Делосской симмахии [Diod. XI.70.3–5]¹⁰. Плутарх склонен считать если не инициатором, то вдохновителем конфликта Перикла, который призвал удалить Эгину как «соринку» с глаз Пирея (Plut. Per. 8). Впрочем, другие авторы связывают ведение военных действий на Эгине с именем стратега Леократа, сына Стройба, который, несмотря на помощь эгинцам коринфян и эпидаврян, сумел довести дело до победы, захватить 70 эгинских кораблей и скрыть укрепления [Thuc. I.105.2, 108.4; Diod. XI.78.4; 10. С. 74]. В итоге эгинцы, по свидетельству Диодора, были возвращены в Делосский союз и принуждены платить

⁶ В одной из работ мы высказали сомнения в том, что выслан был именно Кимон (см.: [3. С. 23–25]). Павсаний, кстати, отмечает, что афиняне заключили союз с аргосцами, возвращаясь из-под Ифомы, откуда они были высланы по подозрению в связях с восставшими мессенцами [Paus. I.29.9]. Если с доверием отнестись к словам Павсания, роль Кимона в этом может вызвать еще большее сомнение.

⁷ В. М. Строгоцкий датирует эти события 460 г. до н. э. [4. С. 117].

⁸ Начнем с того, что битву упоминает только Павсаний [Paus. I.15.2, X.10.4], а вот Фукидид в рассказе о событиях, предшествовавших Пелопоннесской войне, о ней ничего не говорит. Это даже позволило Д. Льюису сомневаться в реальности самой битвы [20. С. 117, примеч. 77]. Кроме того, Геродот доносит до нас спартанское предание, согласно которому лакедемоняне одержали победы в пяти битвах подряд – от Платей до битвы при Танагре [об этих спартанских битвах см.: 4а, § 7], т. е. от 479-го до 457 г. до н. э. Видимо, битву при Эное следует датировать более поздним временем – после битвы при Танагре [Herod. IX.35; 17. С. 53]. Дж. Тэйлор считает ее начальным эпизодом Архидамовой войны [28]. Наконец, не все ясно с маршрутом движения афинян к Эное [17. С. 53–54]. Однако Р. Мейггз и П. Грин с доверием относятся к сообщению Павсания [22. С. 96; 12. С. 152].

⁹ Хотя действия афинян и не приводили к столкновению с лакедемонянами, они расцениваются исследователями как направленные и против Спарты [13. С. 54].

¹⁰ Диодор датирует эти события 464/463 г. до н.э., что можно расценить как ошибку, либо считать их продолжением начавшегося ранее конфликта (см. комментарий.: [12. С. 139, примеч. 269]).

форос, однако военные действия продолжались в течение девяти месяцев ([Diod. XI.78]; см. также: [4; 12. С. 153, примеч. 310]).

После этих событий к союзу афинян и аргосцев присоединяется Фессалия [Thuc. I.102.4; Diod. XI.79.1–3]. А некоторое время спустя – возможно, в 459/458 г. до н. э. – к Афинскому морскому союзу присоединяются Мегары, конфликтовавшие с коринфянами. И вновь не может не удивлять отсутствие реакции на произошедшее со стороны Спарты, поскольку Мегары и Коринф были членами Пелопоннесского союза [21. С. 13–14]¹¹.

Когда мегаряне отложились от пелопоннессцев, коринфяне и пелопоннессцы, судя по сообщениям Фукидида и Диодора, организовали масштабную экспедицию в Мегары [Thuc. I.105.3–4; Diod. XI.79.2]. «После этого на помощь эгинцам пелопоннессцы переправили 300 гоплитов (которые раньше были на службе у коринфян и эпидаврийцев). Они захватили также горную цепь Герании, откуда коринфяне с союзниками вторглись в Мегариду. Афиняне теперь, как думали коринфяне, уже не смогут помочь мегарцам (ведь большая часть их войска находилась на Эгине и в Египте). Если же афиняне все же захотели бы выручить мегарцев, то им пришлось бы покинуть Эгину. Тем не менее афиняне не отозвали своего войска с Эгины, а набрали новый отряд (из оставшихся в городе по возрасту) и отправили его под начальством Миронида в Мегары ([Thuc. I.105.3–4, пер. Г. Стратановского, ср.: Diod. XI.79.2]; см. также: [4. С. 123–124; 12. С. 155, примеч. 314]). Диодор подчеркивает, что Миронид в ту пору был известен своей доблестью. Другим стратегом был Леократ, сын Стройба ([Diod. XI.79.1–3]; см. также: [10. С. 75–76]).

В. М. Строецкий называет это всеобщей мобилизацией [5. С. 182]. Возможно, к участию в военных действиях привлекли тех, кому было больше пятидесяти, либо юнцов, не достигших призывного возраста, что, видимо, было вызвано отчаянным положением афинян. Об этом эпизоде в одной из своих речей подробно рассказывает Лисий [Lys. II.48–53]. Когда коринфяне и их союзники заняли Геранию, афиняне не захотели никого отзывать обратно. «Надеясь на свое мужество и презирая наступающих врагов, люди пожилые и не достигшие еще военного возраста захотели одни начать борьбу» [Lys. II.50–51]. В итоге – «воины, потерявшие силы и еще не достигшие расцвета сил, победили в сражении все неприятельское войско...» [Lys. II.52; ср.: Diod. XI.79.3]. Итак, афиняне одерживают победу и занимают Мегары, где размещают свой гарнизон и начинают там строительство Длинных стен [Thuc. I.103.4]. А через некоторое время афиняне одерживают еще одну победу – близ местечка Кимолия [Diod. XI.79.4].

Безусловно, все это следовало расценивать как объявление Афинами войны Коринфу и, надо думать, Пелопоннесскому союзу в целом, включая Спарту. Однако лакедемоняне, как и во время разразившегося между Коринфом и Мегарами конфликта, никак не отреагировали на эти события [13. С. 55].

Столкновение между Афинами и Спартой произойдет только в 457 г. до н. э. Афиняне и их союзники – аргивяне и фессалийцы на 50 кораблях с 14 тысячами воинов двинули свои контингенты против возвращавшихся из Дориды лакедемонян [Thuc. I.107.5; Diod. XI.80.1]. Сражение произошло на территории Беотии – у Танагры.

Есть смысл сказать несколько слов о предыстории. Лакедемоняне, возглавляемые Никомедом, вели военные действия против фокидян, конфликтовавших с жителями Дориды, которых спартанцы считали близкими себе по родству.

¹¹ Д. Каган объясняет это влиянием спартанского царя Архидама, который кроме того, что имел ксенические связи с Периклом, был противником войны с Афинами [18. С. 77]. Именно поэтому, полагает он, не Архидам, а Никодем будет возглавлять спартанский контингент в битве у Танагры [Там же. С. 78].

«...Фокидяне совершили вторжение в Дориду, древнюю родину лакедемонян с городами Бэем, Китинием и Эринеем, и даже овладели одним из этих городов. Тогда лакедемоняне во главе с Никомедом, сыном Клеомброта (который правил вместо несовершеннолетнего царя Плистоанакта, сына Павсания), явились на помощь дорийцам с 1500 своих гоплитов и 10 000 союзников. Заставив фокидян пойти на соглашение и отдать город, лакедемоняне собрались в обратный путь [Thuc. I.107.2; ср.: Diod. XI.79.4–6]¹². Несомненно и то, что их целью была помощь фиванцам, а также установление контроля над дельфийским святилищем, который в ту пору находился в руках у тех же фокидян [25. С. 75 слл.].

Подробнее о причинах похода в Беотию афинян и лакедемонян мы узнаём от Диодора. Судя по его сообщению, Фивы после отражения нашествия Ксеркса утратили гегемонию в Беотийском союзе и вынуждены были обратиться за помощью к лакедемонянам [Diod. XI.81.1–3]. Последние, по мнению Р. Сили, готовы были помочь фиванцам восстановить гегемонию – не исключено, что в обмен на присоединение к Пелопоннесскому союзу [26. С. 270]. Кроме того, высказывалось предположение, что Танагра, возможно, побуждаемая Афинами, заявила о своих претензиях на лидерство в Беотийском союзе [13. С. 59, примеч. 32; 25. С. 83]¹³. Если это так, то мы находим объяснение появлению лакедемонян у Танагры, что было явным отклонением от их маршрута¹⁴.

Но накануне сражения в Афинах сложилась весьма напряженная ситуация. Фукидид рассказывает, что некоторые из афинян, стремившиеся упразднить демократию в своем полисе и приостановить строительство Длинных стен, завели тайные переговоры с лакедемонянами [Thuc. I.107.1–5]¹⁵. Если считать эту информацию подлинной, то строительство Длинных стен явилось отражением недовольства если не процессами демократизации, то усилением роли флота. Заговорщики понимали, что Длинными стенами Афины прочно привязывались к морю, следствием чего могло стать усиление низов афинского общества – фетов.

Дополнительную интригу битве при Танагре придает прибытие Кимона, ранее изгнанного из Афин по закону об остракизме. По словам Плутарха, когда «лакедемоняне, возвращаясь из Дельф, освобожденных ими от фокидян, расположились лагерем у Танагры и афиняне выступили, чтобы дать им решительный бой, Кимон в полном вооружении появился среди своих сограждан по филе Энеиде, готовый вместе с ними сражаться против лакедемонян. Однако Совет пятисот, узнав об этом, запретил военачальникам принимать его, напуганный криками недругов Кимона, утверждавших, будто тот хочет возмутить войско и ввести лакедемонян в город» [Plut. Cim. 17]. Можно предположить, что стратеги готовы были разрешить Кимону встать в строй, т. е. фактически санкционировать прекращение изгнания, и лишь вмешательство Совета 500 не позволило ему присоединиться к войску. Мы знаем, кстати, что одним из стратегов был Миронид, сын Каллия [10. С. 75]¹⁶, который вскоре громко о себе заявит.

¹² Диодор называет Никомеда сыном Клеомена, тогда как Фукидид – сыном Клеомброта [комментарии: 15. С. 169; 12. С. 156, примеч. 318].

¹³ Претензии Танагры на лидерство находят подтверждение и в нумизматическом материале [15. С. 171–172].

¹⁴ Мы благодарим П. Родса, обратившего наше внимание на этот факт.

¹⁵ Э. Бэдиан сомневается в историчности сообщаемых Фукидидом фактов [7. С. 213]. А для С. Хорнблоуэра это сообщение служит подтверждением наличия антидемократических настроений в Афинах [15. С. 170–171].

¹⁶ Кимон не стал обострять ситуацию и, по-видимому, покинул Танагру. «Кимон удалился, – продолжает Плутарх, – моля Эвтиппа из дема Анафлист и других своих товарищей, над которыми в наибольшей мере тяготело обвинение в приверженности к Спарте, твердо стоять в бою и подвижками своими оправдаться перед согражданами. А те, взяв его доспехи, поместили их посреди своего отряда, тесно сплотившись друг с другом, и сто человек их пало в ожесточенном бою, оставив в афинянах чувство глубокой скорби и раскаяния в том, что несправедливо их обвиняли» [Plut. Cim.

«В битве, которая произошла при Танагре в Беотии, победу одержали лакедемоняне с союзниками (причем обе стороны понесли тяжелые потери). Потом лакедемоняне вступили в Мегариду и, опустошив поля и вырубив плодовые деревья, возвратились домой через Геранию и Истм» [Thuc. I.108.1–2].

По мнению Диодора, окончательный результат битвы остался не до конца ясным: поэтому спартанцы и афиняне затеяли спор из-за победы. С наступлением ночи они заключили четырехмесячное примирение [Diod. XI. 80.6]¹⁷.

Итак, согласно Диодору, битва закончилась кратковременным перемирием. А если принять версию Фукидида, победа досталась лакедемонянам, правда ценой значительных потерь¹⁸. Быть может, поэтому спартанцы вновь не выказывали особого желания продолжать военные действия против афинян и развивать свой успех. Впрочем, сдерживающим фактором могло быть и перемирие, если оно действительно имело место и было заключено сразу после битвы. А вот в этом у нас есть основания сомневаться. Не исключено, что некое кратковременное перемирие – результат путаницы, связанной с заключением впоследствии так называемого Пятилетнего мира, о чем мы скажем ниже¹⁹.

Противоречит версии о перемирии и то, что афиняне не смирились со своим поражением. Шестьдесят два дня спустя афинский стратег Миронид взял реванш за недавнее поражение, одержав победу при Энофитах и подчинив практически всю Беотию [4. С. 127]. Подробности этой экспедиции мы узнаем от Диодора: «Афиняне, стремясь нарушить замысел лакедемонян, собрали значительное войско и избрали стратегом Миронида, сына Каллия. Он, собрав среди граждан воинов, сообщил им день, в который намеревался выступить из города. Когда назначенный день наступил и некоторые воины не прибыли вовремя, он взял тех, которые собрались к намеченному сроку, и выступил в Беотию. Некоторые начальники и друзья советовали ему подождать тех, кто задержался. Миронид же, будучи проницательным и решительным стратегом, отказался ждать, заявив, что поскольку они самовольно опоздали к моменту выступления, то и в битве себя будут вести подло и трусливо, поэтому еще большая возникает опасность для родины, а те, которые пришли к назначенному сроку, и в битве строй не оставят, что

17]. В биографии Перикла упомянутые события описываются несколько иначе. «Тем временем спартанцы с большим войском сделали вторжение в Танагрскую область; афиняне тотчас собрались в поход против них. Кимон вернулся из ссылки и выступил в одном отряде с членами своей филы: он хотел делом снять с себя обвинение в приверженности к спартамцам, деля опасности с согражданами. Но друзья Перикла собрались и прогнали его как высланного. Вот почему, по видимому, Перикл в этой битве сражался особенно храбро, не щадя жизни, и отличился перед всеми. В этом сражении пали и все до единого Кимоновы друзья, которых Перикл обвинял вместе с Кимоном в приверженности к спартамцам» [Plut. Per. 10]. Здесь очевидно выпячивание роли Перикла, не допустившего возвращения Кимона. Если соотнести два приведенных отрывка, то следует предположить, что приверженцы Перикла (а возможно, и он сам) были членами Совета 500, которые выступили против возвращения Кимона. Правда, Р. Сили считает эту информацию недостоверной именно потому, что Совет 500, по его мнению, не мог вмешиваться в дела стратегов [26. С. 275]. Определенно в данном случае лишь то, что Перикл, скорее всего, участвовал в битве, хотя мы не знаем, был ли он тогда стратегом. Р. Девелин, впрочем, допускает, что Перикл и в этом году мог быть избран стратегом [10. С. 76].

¹⁷ Некоторые древние авторы отмечают, что после этих событий афиняне, опасавшиеся активизации военных действий, отозвали из ссылки Кимона, который должен был содействовать заключению мирного договора со Спартой [например: историк Феопомп, FgrHist 115 F 88; Plut. Cim. 17.6, Plut. Per. 10.3–4; Nep. Cim. 3.3; Andoc. III. 3]. Однако, даже если предположить факт досрочного возвращения Кимона, его статус (atimos), полагает П. Грин, исключал возможность личного участия в подобных делах [12. С. 158, примеч. 323]. И. Е. Суриков полагает, что Кимон был возвращен из ссылки в 457 г. до н. э. [6. С. 137].

¹⁸ «Соперничество тех и других было так велико, что с обеих сторон было много убитых» [Diod. XI.80.6].

¹⁹ Допускает это и В. М. Строгоцкий [4. С. 127].

и случилось в действительности» [Diod. XI.81.4–5]²⁰. А затем, «пройдя по всей Беотии, он разорил и опустошил ее территорию и, разделив всю добычу между воинами, всех обеспечил большими богатствами» [Diod. XI.81.5]²¹. Укрепления Танагры были срыты, Беотийский союз распущен, а в Фивах, возможно, установлен демократический режим [23. С. 58]. Аристотель замечает, что «демократия была упразднена в Фивах, когда там после битвы при Энофитах государственные порядки пришли в расстройство» [Arist. Pol. V.1302b29].

Следующий год (456-й) стал удачным для другого афинского стратега – Толмида. «В это время Толмид, поставленный во главе флота, – пишет Диодор, – соревнуясь с Миронидом в доблести и славе, стремился совершить нечто значительное. Поскольку никто прежде не совершал нападения на Лаконику, Толмид призвал демос опустошить территорию спартиатов. И обещал с помощью 1000 гоплитов, которыми собирался укомплектовать триеры, разорить Лаконику и лишить спартиатов их славы» [Diod. XI.84.2–3]. Афиняне, по словам Диодора, согласились с этим²², после чего Толмид начал уговаривать наиболее крепких молодых людей записываться добровольно, а не идти служить согласно набору [Diod. XI.84.4]. Благодаря этой уловке, ему удалось набрать отряд численностью свыше трех тысяч человек, из которых он уже выбрал требуемую тысячу гоплитов [Diod. XI.84.5].

С пятьюдесятью триерами и четырьмя тысячами гоплитов Толмид поплыл в Мефону, расположенную в Мессении, затем спалил расположенные в Гитие лакедемонские корабельные верфи и опустошил окрестную территорию [Diod. XI.84.6]²³. Затем он подчинил города в Кефаллении и, переправившись на другой берег, с ходу захватил Навпакт, куда поселил мессенцев, освобожденных лакедемонянами по окончании Третьей Мессенской войны [Diod. XI.84.7]²⁴.

Это было явным успехом афинян. Впрочем, упомянутые события имели и другую сторону. Завершив войну с мессенцами, спартанцы развязали себе руки и вновь стали представлять серьезную угрозу для афинян. Уже одно это могло кардинально изменить ситуацию в Греции. Но события стали развиваться еще более стремительно и не столь благоприятно для Афин.

Вообще, начало пятидесятих было временем наиболее впечатляющих побед афинян как в Греции, так и за ее пределами. И это особенно встревожило персов, направивших в Лакедемон Мегабаза, который должен был с помощью денег склонить пелопоннесцев к вторжению в Аттику. Однако, судя по сообщению Фукидида, эта миссия окончилась неудачей и Мегабаз лишь зря потратил деньги [Thuc. I.109.2]²⁵. О неудаче этой миссии рассказывает и Диодор, который, впро-

²⁰ Этот рассказ раскрывает механизм набора воинов «по каталогу» [ek katalogou]. Надо думать, что в ходе подобного набора первыми должны были выступать представители высших классов Солоновой классификации. Об особенностях военного набора в Афинах (см.: [8. С. 398–422]).

²¹ Диодор превозносит Миронида и ставит его в один ряд с Фемистоклом, Мильтиадом и Киномом. «Кажется, что это сражение превзошло все то, что было ранее совершено афинянами – замечает он, – ибо битва при Марафоне, победа над персами при Платеях и другие знаменитые деяния афинян уступают той битве, в которой Миронид победил беотийцев» [Diod. XI.82.1]. Историк сокрушается, что ни один из его предшественников не оценил совершенного Миронидом: «Хотя эта битва, – продолжает он, – оказалась столь знаменитой, тем не менее никто из историков не описал ни способа ее проведения, ни расстановку сил» ([Diod. XI. 82. 4]; см. также: [23. С. 58]).

²² Речь, по-видимому, идет о народном собрании, на котором обсуждался этот вопрос.

²³ П. Грин полагает, что речь шла не о мессенской Мефоне, а о Метане, интерес к которой проявляли аргосцы [12. С. 163, примеч. 340].

²⁴ Д. Льюис склонен доверять сообщению и датировке Диодора [21. С. 20].

²⁵ С. Хорнблоуэр резонно замечает в этой связи, что лакедемоняне еще не были готовы к тому, о чем накануне войны с Афинами скажет Архидам: «Я советую только пока не браться за оружие, а сначала отправить послов с жалобами, не угрожая открыто войной, но и не проявляя готовности пойти на уступки. А тем временем самим нам следует готовиться к войне, привлекая союз-

чем, относит данные события к 461/460 г. до н. э., что вряд ли может быть принято [Diod. XI.74]. Он добавляет к сказанному Фукидидом некоторые любопытные детали: «Лакедемоняне денег не приняли и вообще отказались разговаривать с послами персов» ([Diod. XI.74.6]; также см. комментарии к данному месту: [12. С. 146, примеч. 287])²⁶.

Но затем ситуация кардинально изменяется. Вначале – в 455/454 г. до н. э. неудачу в Фессалии терпит Миронид [Thuc. I.111.1]. По сообщению Фукидида, афиняне попытались вернуть на родину изгнанного из Фарсала Ореста – сына фессалийского царя Эхекратида²⁷. После этого в морскую экспедицию отправляется Перикл, взявший с собой тысячу воинов. Вначале ему сопутствует успех и он разбивает сикионцев в сухопутном сражении [Thuc. I.111.2], но затем, взяв в качестве подкрепления ахейцев, терпит неудачу в Акарнании, не сумев захватить Эниады [Thuc. I.111.2; Diod. XI.88.1–2]²⁸.

Другими словами, в конфликте с Пелопоннесским союзом наметился неблагоприятный поворот, угрожавший ослаблением афинян. Вот тогда-то и было решено заключить пятилетний мир со Спартой. «Афиняне, – рассказывает Фукидид, – прекратили войну в Элладе и под предводительством Кимона пошли в поход на Кипр» [Thuc. I.112.2]. Впрочем, дело могло быть еще и в возвращении из ссылки лаконофила Кимона, который и стал инициатором заключения перемирия со спартанцами ([Diod. XI.86.1]; см. также: [12. С. 165, примеч. 351]). Хотя Диодор датирует перемирие 454/453 г. до н. э., в действительности оно было заключено, скорее всего, в 451 г. до н. э. (см.: [12. С. 165, примеч. 351; 15. С. 179]).

Исследователи отмечают, что заключение мира создавало кризисную ситуацию внутри Афинского морского союза. И действительно, теперь отпадала необходимость в организации, созданной для продолжения борьбы с Персией. Однако афиняне не собирались распускать союз, который эволюционировал в Афинскую архэ. Последнее не могло не вызвать недовольства союзников, не желавших выплачивать взносы в союзную казну ([22. С. 152 слл.]; см. также: [26. С. 282 слл.]).

В это же время между Афинами и Спартой имел место заочный обмен ударами – так называемая Вторая Священная война. Согласно Фукидиду, в 449 г. до н. э. спартанцы вели военные действия против фокидян. Они отняли у них контроль над святилищем Аполлона и передали его дельфийцам [Thuc. I.112.5]. Од-

никами как эллинов, так и варваров, чтобы получить откуда-нибудь помощь кораблями или деньгами. Ведь людям в нашем положении, стоящим перед такой угрозой со стороны афинян, нельзя поставить в упрек, что они принимают помощь не только от эллинов, но и от варваров. А тем временем и мы успеем закончить наши военные приготовления» ([Thuc. I.82.1]; см. также: [15. С. 175]).

²⁶ В. М. Строецкий считает, что посольство прибыло в Лакедемон незадолго до битвы у Таннагры [4. С. 129]. Не исключено также, что спартанцы все же взяли деньги. Судя по сообщениям афинских ораторов, их привез в Лакедемон некий Артмий из Зелеи, за что подвергся атимии в Афинах [Dem. IX.41, XIX.271; Aesch. III. 258].

²⁷ «Изгнанный из Фессалии Орест, сын фессалийского царя Эхекратида, убедил афинян вернуть его на родину. Афиняне вместе с беотийцами и фокидянами (бывшими тогда их союзниками) выступили в поход на Фарсал в Фессалии. Они захватили небольшую часть вражеской земли, именно столько, чтобы при этом не слишком удаляться от своего лагеря (ибо фессалийская конница их постоянно тревожила). Взять же город афиняне не смогли. Вообще, поход постигла неудача, и, ничего не добившись, афинянам пришлось возвратиться назад вместе с Орестом» ([Thuc. I.111.1]; см. также: [16. С. 97]).

²⁸ Судя по сообщению Диодора, экспедиция Перикла была успешной, несмотря на неудачную попытку взятия Эниад [12. С. 169, примеч. 362]. После этого он отправляется к Херсонесу Фракийскому, на территории которого, судя по сообщению Диодора, возникла афинская клерухия [Diod. XI.88.3]. В то же самое время Толмид основал еще одну клерухию – на Наксосе [Diod. XI.88.3].

нако после того, как спартанцы удалились, сюда пришли афиняне и возвратили дельфийский храм фокидянам²⁹.

Именно в эти годы Перикл превратился в одного из самых влиятельных лидеров Афин – в демагога, в трактовке Аристотеля [Arist. Ath. Pol. 27.1]. Его выдвижение на первый план сказалось и на внешней политике Афин. Перикл, по видимому, оппонировал тем, кто наиболее прославился во время конфликта с Пелопоннесским союзом – в частности, Мирониду и Толмиду. Поэтому резонно было бы ожидать определенного снижения военной активности со стороны Афин. Этому немало поспособствовала гибель в Беотии одного из активных участников конфликта с пелопоннесцами – Толмида. Его смерть, как мы полагаем, стала тем важным обстоятельством, которое выдвинуло Перикла на первый план афинской политики. Утихли военные действия, однако это никак не сказалось на значении самой должности стратега, которая продолжала оставаться ключевой.

Предыстория этих событий такова. В 447-м или в начале 446 г. до н. э. в Беотии произошли кардинальные перемены, повлекшие за собой ослабление там позиций Афин. Спустя какое-то время беотийские изгнанники захватили Орхомен, Херонею и ряд других пунктов Беотии. Афиняне выставили тысячу своих гопплитов и отдельные отряды союзников против этих городов. Стратегом был Толмид, сын Толмея ([Thuc. I.113.1]; см. также: [4. С. 151]).

«Как стратег, Перикл славился больше всего своею осторожностью: он добровольно не вступал в сражение, если оно было опасно и исход его был сомнителен; тем военачальникам, которые рискованным путем получали блестящий успех и возбуждали общий восторг как великие полководцы, он не подражал и не ставил их себе в образец; он неизменно говорил согражданам, что, насколько от него зависит, они навсегда останутся бессмертны. Так, он увидел, что Толмид, сын Толмея, полагаясь на прежние успехи и ввиду необыкновенного почета за свои военные подвиги, в совсем не подходящий момент предпринимает вторжение в Беотию. Он уже успел склонить самых храбрых и честолюбивых юношей принять участие в походе в качестве добровольцев; их было тысяча человек, не считая остального войска. Перикл старался удержать его от этого предприятия и отговорить в Народном собрании...» [Plut. Per. 18]. Впрочем, ни Плутарх, ни сам Перикл не уточняют, в чем именно состояли упоминаемые здесь неблагоприятные обстоятельства. Можно, впрочем, предположить, что речь идет о стремлении сохранить некую стабильность в Греции в связи с перемирием со Спартой.

Несмотря на противодействие Перикла, Толмиду удалось провести свое решение, и афиняне отправили его в Беотию с набранным из молодых людей отрядом добровольцев – с тысячей гопплитов и какими-то отрядами союзников. Правда Перикла подтвердилась уже через несколько дней. Афинянам удалось взять лишь Херонею, обратив ее жителей в рабство и поставив там гарнизон [Thuc. I.113.1], а вот в битве при Коронее афиняне были наголову разбиты, Толмид и многие славные граждане погибли [Plut. Per. 18, ср.: Diod. XII.6.1–2]. Очевидно, что в ходе операции погибли преимущественно знатные афиняне – *agathoi*, как сообщает Плутарх. В обмен на пленных и тела павших воинов афиняне вынуждены были заключить договор с беотийцами, по которому они отказывались от своих притязаний на Беотию [Thuc. I.113.2–3].

На этом военные неудачи афинян не заканчиваются. 446 г. до н. э. будет насыщен неприятными для них событиями. Причем всплеск неудач совпадает со временем завершения пятилетнего перемирия со Спартой. Спартанцы, надо думать, времени зря не теряли.

²⁹ В этой связи любопытно, что афиняне вновь выступили на стороне фокидян. В первый раз они оказались их вольными или невольными союзниками в 457 г. до н. э. – во время битвы при Танагре. Тогда лакедемоняне конфликтовали с фокидянами, оказывая поддержку жителям Дориды.

В этом году происходит восстание на о. Эвбея ([Thuc. I.114.1; Plut. Per. 22]; см. также: [26. С. 291; 4. С. 152 сл.])³⁰. На подавление восстания на остров был направлен Перикл. Но, как только он переправился туда, было получено известие о восстании в Мегарах. Восставшие, призвав на помощь коринфян, сикионян и эпидаврян, уничтожили афинский гарнизон за исключением тех, кто укрылся в Нисее [Thuc. I.114.1–2]. По сообщению Диодора, мегаряне заключили соглашение с лакедемонянами [Diod. XII.5.2], частью которого, возможно, была договоренность о вторжении Плистоанакта в Аттику. Несмотря на это, афиняне отправляют в Мегары войско, которое, по словам сицилийского историка, одержало победу над восставшими, разграбив попутно территорию мегарян [Там же]. Однако не исключено, что события развивались для афинян не столь успешно³¹.

За этими событиями последовало вторжение в Аттику лакедемонян. «Тотчас после этого, – рассказывает Плутарх, – пришло известие о том, что Мегара стала во враждебные отношения к Афинам и что пелопоннесская армия под командой спартанского царя Плистоанакта стоит у границ Аттики. Перикл поспешно вернулся с Эвбеи, чтобы вести войну в Аттике. Вступить в сражение с большим храбрым войском гоплитов Перикл не осмелился, несмотря на их вызов. Но он заметил, что Плистоанакт, еще совсем молодой человек, пользуется советами главным образом Клеандрида, которого эфоры, ввиду молодости Плистоанакта, назначили наблюдателем и помощником. Перикл вошел с ним в тайные переговоры, в скором времени подкупил его и уговорил увести пелопоннесцев из Аттики. Когда войско отступило и было распущено по городам, раздраженные спартанцы наложили на царя большой денежный штраф, которого он не мог уплатить, а потому добровольно удалился из Спарты; а Клеандрид бежал из отечества и был приговорен к смертной казни» ([Plut. Per. 22]; см. также: [22. С. 178; 4. С. 152–153])³².

Плистоанакт, по словам Фукидида, дошел до Элевсина и Фрии, опустошив тамошние поля, но дальше пелопоннесцы не пошли [Thuc. I. 114. 2, ср. у него же: II. 21. 1]. Тогда Перикл с войском вновь переправился на Эвбею и покорили весь остров. «Итак, Перикл опять обратился против повстанцев и, прибыв на Эвбею на пятидесяти кораблях с пятью тысячами гоплитов, привел города к покорности. Из Халкиды он изгнал так называемых «гиппоботов», богачей, пользовавшихся особенной славой, жителей Гестиеи заставил всех выселиться из своей области и на место их поселил афинян: так непреклонен был он только к ним за то, что они, захватив афинский корабль, перебили всех бывших на нем людей» [Plut. Per. 23; Thuc. I.114.3].

Возвратившись домой, афиняне принимают решение заключить с Пелопоннесским союзом так называемый Тридцатилетний мир, условием которого был отказ афинян от Мегариды, Трезены и Ахайи ([Thuc. I.115.1; Andoc. III.6]; см. также: [4. С. 156–157])³³. Так заканчиваются длительные военные действия, оказавшие значительное влияние не только на Афины и Спарту, но и на всю Грецию.

И что же в итоге? Спартацы, вяло проведя дебютную часть партии, в ходе всего конфликта не выказывали никакого желания ввязываться в серьезный кон-

³⁰ Восстание могла спровоцировать и ранее выведенная Толмидом на о. Эвбея афинская клерухия ([Thuc. I.97.2]; см. также: [15. С. 184]).

³¹ Одна из надписей содержит информацию об афинском контингенте, выведенном из Мегар. Этот контингент, возглавлявшийся стратегом Андокидом, включал представителей трех фил ([Meiggs & Lewis № 51]; см. также: [22. С. 177 сл.]).

³² Во всем этом, возможно, ощущается отголосок усилившихся к концу конфликта с Афинами агрессивных настроений со стороны спартанцев [15. С. 186].

³³ Дед оратора Андокида был одним из тех, кто принимал участие в заключении этого договора [Andoc. III.6]. Кроме него авторами договора, по словам Диодора, были Каллий и Харес [Diod. XII.7].

фликт с Афинами. Хотя они заметно оживились в эндшпиле, но и тут повели себя осторожнее, чем позволяла ситуация. В этом смысле исследуемые нами события вряд ли могут быть названы репетицией будущей Пелопоннесской войны – по крайней мере, со стороны Спарты. Быть может, после Третьей Мессенской войны лакедемонян если не пугала, то крайне беспокоила перспектива масштабного столкновения с таким сильным оппонентом, как Афинский морской союз. И эту позицию они сохраняют вплоть до начала Пелопоннесской войны. Достаточно упомянуть спартанского царя Архидаму, решительно выступавшего против втягивания в конфликт с Афинами [2]. К этому можно добавить и часто звучавшие упреки пелопоннесских союзников в бездействии и медлительности лакедемонян³⁴.

А вот афиняне – или, лучше сказать Перикл, – изменяют свою позицию. Если ранее, по словам Плутарха, он славился своей осторожностью [Plut. Per. 18], то накануне Пелопоннесской войны повел себя более агрессивно и даже дерзко. Именно он будет склонять афинян начать войну с лакедемонянами, предрекая ее успешное завершение [1]. Итог ее, как известно, оказался совершенно иным.

Источники

- Aesch. – Эсхин. Против Ктесифонта о венке / пер. М. Гаспарова // Ораторы Греции. – М., 1985.
- Andoc. – Андокид. Речи / пер. Э. Д. Фролова. – СПб., 1996.
- Arist. Ath. Pol. – Аристотель. Афинская полития / пер. С. Радцига. – М.; Л., 1936.
- Arist. Pol. – Аристотель. Политика / пер. С. Жебелёва // Аристотель. Сочинения. – М., 1984. – Т. 4.
- Dem. – Демосфен. Речи. – М., 1996. – Т. 3.
- Diod. – Диодор. Историческая библиотека. Перевод и комментарии отдельных глав XI–XII книг / пер. В. М. Строгоцкого // Строгоцкий В. М. Полис и империя в классической Греции. – Н. Новгород, 1991. – С. 190–217.
- FgrHist – Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. – Berlin : Leiden, 1923–1958.
- Lys. – Лисий. Речи / пер. С. И. Соболевского. – М., 1994.
- Meiggs & Lewis – Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B. C. : Revised edition. – Oxford, 1989.
- Paus. – Павсаний. Описание Эллады / пер. С. П. Кондратьева. – М., 1994. – Т. 1–2.
- Plut. – Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 2 т. – М., 1994. – Кимон / пер. В. В. Петуховой; Перикл / пер. С. И. Соболевского.
- Thuc. – Фукидид. История / пер. Г. Стратановского. – М., 1981.

Литература

1. Гушин В. Р. Перикл и начало Пелопоннесской войны // *Para bellum*. – 2002. – Вып. 15. – С. 5–19.
2. Гушин В. Р. Архидам и начало Пелопоннесской войны // *Исседон : альманах по древней истории и культуре*. – Екатеринбург, 2002. – Т. 1. – С. 53–62.
3. Гушин В. Р. Остракизм Кимона // *Cathedra : исторический альманах*. – 2007. – Вып. 2–3. – С. 15–29.
- 3а. Зайков А. В. Роль чужаков в спартанской политике: случай с Тисаменом Элидским // *История : электронный научно-образовательный журнал*. – 2012. – Вып. 8 (16). – URL: <http://history.jes.su/s207987840000451-5-1>
4. Строгоцкий В. М. Полис и империя в классической Греции. – Н. Новгород, 1991.
5. Строгоцкий В. М. Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. (478–431 гг. до н. э.). – СПб., 2008.
6. Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. – М., 2006.

³⁴ С резкими упреками в адрес лакедемонян выступили накануне войны коринфяне [Thuc. I.70.2–9]. Они склонны были обвинять лакедемонян в отсутствии мужества (*anandria*) и даже трусости (см.: [9. С. 40]).

7. Badian E. From Plataea to Potidaea. – Baltimore, 1993.
8. Christ M. Conscription of hoplites in Classical Athens // *Classical Quarterly*. – 2001. – Vol. 51, № 2. – P. 398–422.
9. Connor W. R. Thucydides. – Princeton, NJ., 1984.
10. Develin R. Athenian Officials. 684–321 B. C. – Cambridge, 1989.
11. Develin B. The Battle of Oinoe Meets Ockhham's Razor? // *Zeitschrift für Papyrology and Epigraphik*. – 1993. – Bd. 99. – P. 235–240.
12. Green P. Diodorus Siculus. Book 11–12.37.1. Greek History 480–431 B.C. The Alternative Version. Translated with Introduction and Commentary. – Austin, 2006.
13. Holladay A. J. Sparta's role in the first Pelopopnesian War // *Journal of the Hellenic Studies*. – 1977. – Vol. 97. – P. 54–63.
14. Holladay A. J. Sparta and the First Pelopopnesian War // *Journal of the Hellenic Studies*. – 1985. – Vol. 105. – P. 161–162.
15. Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. 1. – Oxford, 1991.
16. Hornblower S. The Greek World. 479–323 B. C. – London, 2002.
17. Jeffery L. H. The Battle of Oinoe in the Stoa Poikile: A Problem in Greek Art and History // *Annual of the British School of Athens*. – 1965. – Vol. 60. – P. 41–57.
18. Kagan D. The Outbreak of the Pelopopnesian War. – Ithaka & N.Y., 1989.
19. Kagan D. Pericles of Athens and the Birth of Democracy. – N.Y., 1991.
20. Lewis D. M. Mainland Greece, 479–451 B. C. // *The Cambridge Ancient History*. – Vol. V. – Cambridge, 1992. – P. 96–120. (Русский перевод: Кембриджская история древнего мира. Т. V : Пятый век до нашей эры / пер. А. В. Зайкова. – М., 2014. – С. 129–195).
21. Lewis D. M. Selected Papers in Greek and Near Eastern History. – Cambridge, 1997.
22. Meiggs R. The Athenian Empire. – Oxford, 1972.
23. Podlecki A. J. Pericles and his circle. – London, 1998.
24. Salmon J. Wealthy Corinth: A History of the City to 338 B. C. – Oxford, 1984.
25. Schreiner J. H. Hellenikos, Thucydides and the era of Kimon. – Aarhus, 1997.
26. Sealey R. A History of the Greek City – States. 700–338 B. C. – Berkeley & Los Angeles, 1976.
27. Ste Croix G. E. M., de. The Origins of the Pelopopnesian War. – London, 1972.
28. Taylor J. G. Oinoe and the Painted Stoa: Ancient and Modern Misunderstandings? // *American Journal of Philology*. – 1998. – Vol. 119, № 2. – P. 222–243.